

ПОЛИТЭКОНОМИЯ

УДК: 33, 330.3, 339.9
JEL: F43, H1, N20, O50, P16

Гжегож В. Колодко

ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: КИТАИЗМ И БУДУЩЕЕ МИРА

(статья вторая)

Огромный скачок, совершённый за последние четыре десятилетия китайской экономикой в результате рыночных реформ и открытости миру, вызывает у одних страх, а у других тревогу. Возникают вопросы относительно того, устойчивы ли основы экономического успеха Китая и будет ли за экономическим ростом следовать политическая экспансия. Китай широко использует глобализацию и потому заинтересован в её продолжении. В то же время он хочет придать ей новые черты и специфические китайские характеристики. Это встречает нежелание нынешнего глобального гегемона, Соединённых Штатов, тем более, что возникают опасения, что Китай может продвигать за рубеж свою оригинальную политико-экономическую систему – "китаизм". Однако мир всё ещё достаточно большой, чтобы вместить всех нас. Потенциально, не обязательно. Для того чтобы это произошло, нам нужна надлежащая политика, которая в будущем также должна включать лучшую координацию на наднациональном уровне.

Ключевые слова: трансформация, глобализация, экономическая система, китаизм, новый прагматизм

THE GREAT CHINESE TRANSFORMATION: CHINISM AND THE FUTURE OF THE WORLD

Grzegorz W. Kolodko (kolodko@tiger.edu.pl), Research Center for Transformation, Integration and Globalization, Kozminski University, Warsaw. <https://orcid.org/0000-0001-7015-5612>

The huge leap made by the Chinese economy over the past four decades as a result of market reforms and openness to the world is causing fear in some and anxiety in others. Questions arise as to whether China's economic success is solid and whether economic growth will be followed by political expansion. China makes extensive use of globalization and is therefore interested in continuing it. At the same time, he wants to give it new features and specific Chinese characteristics. This is met with reluctance by the current global hegemon, the United States, all the more so as there are fears that China may promote its original political and economic system, "Chinism," abroad. However, the world is still big enough to accommodate us all. Potentially, not necessarily. For this to happen, we need the right policies, which in the future must also include better coordination at the supranational level.

Keywords: transformation, globalization, economic system, Chinism, new pragmatism.

Гжегож В. Колодко (kolodko@tiger.edu.pl), Исследовательский центр трансформации, интеграции и глобализации Университета Козьминского, Варшава. ORCID ID <https://orcid.org/0000-0001-7015-5612>

Цитирование: Колодко Г.В. Великая китайская трансформация: китаизм и будущее мира. *Экономическая теория*. 2020. № 3. С. 5–23. <https://doi.org/10.15407/etet2020.03.005>

© Г. Колодко, 2020

ISSN 1811-3133. *Экономическая теория*. 2020. № 3: 5–23

Вступительное слово

В течение определённого времени всё чаще высказываются мнения о том, что в мире неизбежно наступает новая эра, в которой будут доминировать Азия и особенно Китай. Не обязательно. Однако, безусловно, относительная важность Китая – благодаря огромной экономике и численности населения, которые продолжают расти, – будет усиливаться. Это имеет очевидные не только экономические, но и политические последствия. В эпоху необратимой глобализации ни одна из крупнейших мировых проблем уже не может быть решена без Китая. Поэтому с Китаем необходимо не только конкурировать, но и творчески сотрудничать. И чем быстрее развивается культура такого сотрудничества, тем быстрее развиваются поддерживающие её институты, и тем лучше для развития мировой экономики.

В мире будущего для конкурентоспособности экономики, основанной на знаниях, определяющими будут человеческий капитал и технологии. Однако для содействия устойчивому развитию самих по себе их может быть недостаточно. Также необходима политическая и экономическая система, которая способствует формированию капитала и его эффективному распределению. Китайская система продолжает развиваться, поэтому возникает вопрос о том, насколько она сможет ответить на растущие вызовы.

Население и человеческий капитал

Время количества никогда не закончится, но сейчас наступила пора качества следующего поколения. Сегодня, а тем более в будущем, экономические успехи всё меньше будут зависеть от владения природными ресурсами, а также материальными и финансовыми активами, и всё больше – от человеческого капитала. С древнейших времен экономика опиралась на знания, но она никогда так не зависела от знаниевых ресурсов, как сейчас. Именно знания и навыки их использования в процессах производства и обмена определяют, какая экономика стоит на передовых позициях. Конкурентоспособность экономики всё больше зависит от знаний, и этот факт Китай вполне осознаёт. Соответственно, страна инвестирует всё больше времени и средств в знания и технический прогресс.

Китайские университеты пробивают себе дорогу в глобальных рейтингах, хотя они пока далеко не на первых позициях. Эти первые позиции почти полностью заняты американскими и британскими заведениями (в первую десятку входит только один континентально-европейский университет: Швейцарский федеральный технологический институт в Цюрихе), "на подиуме" также присутствуют MIT, Стэнфорд и Гарвард, но 16-е место уже занимает Университет Синьхуа, а Пекинский университет – 22-е (QS 2020). В рейтинге лучших инженерных высших учебных заведений Синьхуа уже находится непосредственно после MIT, и эксперты говорят, что это выход китайского университета в мировые лидеры – это вопрос нескольких лет.

Результатов этого пока не видно. Например, в списке Forbes, который показывает ценные бренды, единственной китайской компании досталось отдалённое 97-е место. Это компания, действительно известная и самая признанная на мировой сцене, и не только на экономической – Huawei (Forbes, 2020). Она вклинилась между датскими

блоками Lego и американскими тракторами John Deere. Однако в гораздо более важном рейтинге, который имеет конкретные последствия для решений по инвестициям и заказам, а именно в Индексе глобальной конкурентоспособности, составленном Всемирным экономическим форумом, Китай занимает 28-е место после Малайзии и Исландии и перед Катаром и Италией (WEF, 2019). Список начинается с Сингапура, США и Гонконга. Интересно, что по конкурентоспособности Китай опережает все другие страны БРИКС – Бразилию, Россию, Индонезию и Южную Африку – а также большинство стран Европейского Союза¹.

Однако экономика служит людям, даже если политика иногда об этом забывает, и экономика относится к ним избирательно. Нельзя некритично увлекаться такими впечатляющими достижениями, как роскошные виды района Пудун в Шанхае или 38-тысячекилометровой скоростной железной дорогой, поскольку нужно также знать, что государственные расходы на здравоохранение в Китае составляют лишь около 2% ВВП страны, а гарантированный ежемесячный доход *dibao* равен скромным 600 юаням, за которые можно приобрести не более чем миску лапши в день. Можно восхищаться архитектурным совершенством оперного театра Чжухай, чья красота может конкурировать с его Сиднейским аналогом, но нельзя оставаться равнодушным к многочисленным случаям, когда крестьян прогоняют с их полей во исполнение решений коррумпированных судов, в результате чего высвобождается земля под жилые мега-проекты сомнительной привлекательности. Нельзя не восхищаться охватом и динамичным ростом социальной медиа-платформы *Weibo* и мега-приложения *WeChat*, которыми пользуются сотни миллионов людей, но нельзя не посетовать, что онлайн-сервис *BBC News* заблокирован брандмауэром *Great Firewall*, который является, кстати, очень технологически передовым. Таким образом, общая картина очень сложная.

Ключевым для будущего является то, до какой степени и насколько быстро произойдут изменения по удовлетворению изменчивых потребностей населения. Такие потребности постоянно растут в странах, которые пробивают себе дорогу вверх, и постоянно уменьшаются в богатых странах, которые, за некоторыми исключениями, склонны к приёму иммигрантов. В Китае население скоро прекратит расти, хотя и будет продолжать стареть (табл. 1).

Таблица 1

Прогноз роста населения, 2020–2060 годы

Страна	Год		Рост/сокращение, %
	2020	2060	
Китай	1439	1333	-7,4
Индия	1380	1651	19,6
США	331	391	18,1
Россия	146	133	-8,9
Япония	126	98	-22,2
Мир	7795	10151	30,2

Источник: UN 2019.

¹ В частности, в рейтинге конкурентоспособности WEF Китай занимает более высокую позицию, чем Италия, Эстония, Чехия, Португалия, Словения, Польша, Мальта, Литва, Латвия, Словакия, Кипр, Венгрия, Болгария, Румыния, Греция и Хорватия, которая на своём 63-м месте находится между Филиппинами и Коста-Рикой (WEF, 2019).

По прогнозам ООН, численность населения Китая начнёт сокращаться после 2030 года. Для Индии такой переломный момент наступит поколением позже, после 2060 года. В этом контексте важно, что Индия – в отличие от Китая и других стран, где население быстро стареет – может использовать свой демографический дивиденд в виде относительно молодого населения как фактор, способствующий экономической динамике. Медианный возраст в первой стране составляет около 28 лет, во второй – более 37 (в среднем в мире 30 лет)². Следовательно, в этом отношении ситуация в Китае уже является неблагоприятной, и будет ухудшаться в будущем.

Состояние общества и благосостояние людей, особенно финансовое положение их домохозяйств и оценка их личного экономического положения, не определяются ни размерами экономики, ни населением страны. То, что "мы самая большая страна" или "мы многочисленнее вас" имеет больше политическое, чем психологическое значение, и уровень благосостояния и его субъективное ощущение этого в Китае не сильно улучшаются только потому, что китайцы остаются самым многочисленным народом в мире³, и что они создают, по ППС, крупнейший ВВП. Так же тот факт, что, скажем, индонезийцев в семь раз больше, чем поляков, и в целом они производят почти втрое больше, мало радует первых, если ВВП их страны на душу населения составляет лишь 42% его показателя в Польше, где по этой и другим причинам средняя продолжительность жизни почти на пять лет дольше. В Китае в среднем люди живут только на два года меньше, чем в США (77 по сравнению с 79 годами), и пользуются средним доходом, который растёт очень быстро, но всё ещё составляет лишь 30% от американского, который в 2019 году составлял 64 700 долларов США на душу населения. Поэтому надо пользоваться более адекватной информацией, чем простая мера дохода на душу населения. Очень полезны в этом плане категории, описывающие уровень человеческого капитала (табл. 2).

Таблица 2

Индекс человеческого развития и индекс человеческого развития с учётом неравенства

Страна	Место по ИЧР	ИЧР	ИЧРН	"Совокупная потеря" (%)	Разница в месте по ИЧР и по ИЧРН
Норвегия	1	0,954	0,889	6,8	0
США	15	0,920	0,797	13,4	-13
Япония	19	0,915	0,882	3,6	15
Россия	49	0,824	0,743	9,9	1
Китай	85	0,758	0,636	16,1	4
Индия	129	0,647	0,477	26,3	1
Мир	-	0,731	0,584	20,2	-

Примечание: "совокупная потеря": разница в процентах между значением ИЧРН и значением ИЧР.

Источник: UNDP (2019). С. 308–311.

² Население Китая быстро стареет, что, кстати, является ещё одним аспектом экономического успеха. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении для Китая составляет 77 лет. Для сравнения, в Японии она на восемь лет дольше, 85 лет, а в Индии на восемь лет короче – 69 лет (Macrotrends, 2020).

³ По оценкам ООН, в начале четвертого десятилетия этого века Индия станет самой густонаселенной страной в мире. В 2035 году в ней проживать 1,504 млрд человек, тогда как в Китае будет проживать 1,464 млрд человек (UN, 2019).

По уровню ИЧР, США занимают 15-е место между Новой Зеландией и Великобританией, и между Бельгией и Японией⁴, а Китай – 85-е место между Северной Македонией и Перу, а также между Эквадором и Азербайджаном⁵. Список возглавляет Норвегия (ИЧР 0,954), а на самом низком месте находится Нигер (ИЧР 0,377). Учитывая неравенство доходов – очень высокое как в США, так и в Китае, с коэффициентом Джини 41,5 и 38,6 соответственно, – США опустились на 13 позиций, на 28-е место, а Китай поднялся на 4 позиции, на 81-е место⁶. Таким образом, здесь они разделены расстоянием немного меньшим, чем в случае неравенства доходов.

Другой важный показатель – это динамика изменений и сдвиги на мировой карте, отражающие различия в уровне и качестве человеческого капитала. За период лишь трёх десятилетий, начиная с 1990 года, средний ИЧР в мире вырос с 0,598 до 0,731, тогда как в США он вырос с 0,860 до 0,920, а в Китае – с 0,501 до 0,758. Следовательно, тридцать лет назад уровень Китая был ниже общемирового, а сейчас уже выше. Хотя качество измеряемого таким образом человеческого капитала рос в мире на 0,72% в год, темпы его роста в США были втрое медленнее среднего (0,24%), а в Китае – вдвое быстрее (1,48%). Понятно, что легче пробиться высших отметок, когда начинаешь с низкого уровня. Сейчас это становится всё сложнее.

Не только капитализм, но ещё и китаизм

Бранко Миланович в своей интересной книге под названием "Капитализм сам по себе: будущее системы, управляющей миром" утверждает, что после падения советского образца государственного социализма (чаще всего в литературе упоминается как "коммунизм"⁷) история никоим образом не закончилась, капитализм с триумфом овладел всем миром (*Milanović, 2019*). Он считает, что будущее должно идти своим путём, поскольку альтернативы капитализму-победителю нет. Можно было бы свести дело к определениям, но всё здесь гораздо сложнее. Особенно то, что автор часто под общий термин "капитализм" ставит различные категории политических и экономических систем, различая два его основных типа: меритократический либеральный капитализм во главе с США и политический капитализм во главе с Китаем. Поэтому, несмотря на то, что название книги гово-

⁴ В рейтинге между Бельгией и Японией находится Лихтенштейн, который я в этих сравнениях игнорирую.

⁵ В рейтинг входит Гонконг, который с ИЧР 0,939 занимает 4-е место вместе с Германией. Польша с индексом 0,872 занимает 32-е место между Грецией и Литвой.

⁶ Оценки Программы развития ООН на 2018 год (UNDP, 2019).

⁷ На Западе ещё в период, предшествовавший переломному 1989 году, политическая и экономическая система, которая доминировала в Советском Союзе и Центральной и Восточной Европе, называлась коммунизмом, тогда как в той части мира, где система распространялась, в том же значении употреблялся термин "социализм". Позже, в период системного перехода, в таком значении чаще всего можно было услышать термин "коммунизм" со ссылкой на период между 1945 и 1989 годами. Поэтому можно подытожить, сказав, что это вопрос терминологии, но это не соответствует действительности, поскольку за неоднозначностью определения лежат существенные разногласия и идеологические споры (*Walicki, 1995; Kolodko, 2000; Nuti, 2018*).

рит лишь о капитализме, в предложенной автором капиталистической реальности мы имеем дело не только с одной его формой.

Возможно, это так, но проблема заключается в том, что вместо двух разновидностей как части одной системы мы можем видеть системную множественность. Это не такой случай, как, скажем, горилла и орангутанг, две человекоподобные обезьяны, принадлежащие к одному семейству существ, но одна больше похожа на обезьяну и лемура; очень похожи на внешность, но разные в глубине. Вряд ли можно втиснуть такое чрезвычайно разнообразное настоящее и будущее время в одну системную категорию, поскольку таких категорий много. У нас, как и раньше, есть несколько миров, и суть в том, чтобы решить, какой из них заслуживает на то, чтобы его назвали первым, где второй мир и что происходит с третьим, а возможно, ещё с несколькими.

Мы должны согласиться с необходимостью разграничить либеральный капитализм, сложившийся на Западе в течение длительного исторического процесса, и государственный капитализм, возникший в результате более короткого исторического процесса во многих постколониальных странах – прежнем Третьем мире – и в некоторых странах в результате постсоциалистического перехода. В первой группе государственных капиталистических стран классическими примерами могут быть такие разные между собой экономики, как Саудовская Аравия и Мьянма, во второй группе – Россия и Казахстан⁸.

Китай отличается по качеству, и классифицировать его в терминах этой модели было бы слишком надуманно. Это не случай ни коммунизма, как некоторые все еще называют порядок в этой стране (*Fun, Zheng, 2020*), ни капитализма, даже украшенного тем или иным прилагательным (*Pei, 2016*), а случай качественно другой. Это вполне своеобразная политическая / социальная / экономическая система, которую я называю китаизмом (*Kolodko, 2018; 2020a*). Это не пекинский консенсус, нагруженный этатизмом и централизованной бюрократией, который некоторое время пытались приветствовать как антипод неолиберальному Вашингтонскому консенсусу (*Halper, 2010*). Хотя между этими понятиями можно увидеть некоторые аналогии, безусловно, есть более существенные различия (*Lin, 2013*). И это также не просто период перехода от централизованно-плановой экономики к рыночной, хотя и в форме государственного капитализма (*Lardy, 2014*).

Фрэнсис Фукуяма считает – теперь, когда невооружённым глазом может видеть, что история всё ещё продолжается, – что Китай с момента прихода к власти команды Си Цзиньпина в 2012 году переходит от авторитарной к тоталитарной системе. Хотя это очень спорно, если не ошибочно, но Фукуяма прав, что на самом деле централизация власти и ограничения и без того очень ограниченной демократии могут быть остановлены и ослаблены только внутренними силами. Тем более, что "к сожалению, за последние три с половиной года Со-

⁸ Мы должны согласиться с необходимостью разграничить либеральный капитализм, сложившийся на Западе в течение длительного исторического процесса, и государственный капитализм, возникший в результате более короткого исторического процесса во многих постколониальных странах – прежнем Третьем мире – и в некоторых странах в результате постсоциалистического перехода. В первой группе государственных капиталистических стран классическими примерами могут быть такие разные между собой экономики, как Саудовская Аравия и Мьянма, во второй группе – Россия и Казахстан.

единённые Штаты делали всё возможное, чтобы ослабить себя. Они выбрали лидера, который любит демонизировать своих внутренних оппонентов гораздо больше, чем своих иностранных конкурентов, беззаботно отверг нравственную высоту, которая была основой американской мировой мощи, и который в течение крупнейшего кризиса за последние три поколения руководил страной с такой некомпетентностью, что её уже не воспринимают серьёзно ни друзья, ни враги" (*Fukuyama, 2020*). Поэтому необходимо согласиться с его выводом, а точнее с его первой частью: "Прежде чем мы сможем подумать об изменении Китая, нам нужно изменить Соединённые Штаты и попытаться восстановить свою позицию глобального маяка либерально-демократических ценностей в мире" (там же).

Однако нельзя согласиться со второй частью выводов, поскольку в результате провала неолиберализма, а теперь и фиаско либеральной демократии во время президентства Дональда Трампа, представлять будущее США как мирового лидера демократии – это только желание. Эта возможность была упущена. Вероятно, её уже не было ещё несколько лет назад. Тогда я спорил со Збигневом Бжезинским, который в 2007 году писал о "втором шансе" взять на себя мировое лидерство (первый был после окончания "холодной войны" и распада Советского Союза). Этот шанс заключался в победе над кандидатом от Республиканской партии в Белом доме. И хотя это произошло из-за победы Барака Обамы, США уже не смогли восстановить свои гегемонные и руководящие позиции. Как я писал тогда, так я думаю и сегодня: чтобы стремиться к глобальному лидерству, нужно заботиться о мире, а не о собственных интересах, часто за счёт оставшейся части этого мира (*Колодко, 2011*). Несомненно, и тогда, и сейчас возможность такой глобальной ре-экспансии США была заблокирована растущим Китаем. Следовательно, нужно не только признать это, но идти дальше - принимать реальность, искать прагматичные компромиссы и создавать положительную синергию, а не наивно мечтать о единственной сверхдержаве.

Китаизм - это своеобразная синкретическая экономическая система, основанная на различных формах собственности на средства производства, с чёткой макроэкономической политикой и ограниченным государственным контролем по микроэкономическому управлению. Дерегуляция подчиняется поддержке деятельности предприятий в форме, соответствующей социальным и политическим целям, установленным правящей партией⁹. Широко используемый, гибкий, но в целом долгосрочный экономический интервенционизм использует как ориентировочное планирование, которое касается сферы бизнеса, так и командное планирование относительно некоторых государственных предприятий и инфраструктуры. Политика страны в отношении правительства, местных властей и центрального банка также использует классические инструменты рыночного интервенционизма. Система

⁹ Коммунистическая партия Китая. Было бы справедливо добавить "так называемая", поскольку она давно коммунистическая только по названию, но не по сути. Это определение является историческим наследием прошлого. Сейчас правящая партия выступает за внедрение и использование механизмов, выражающих совершенно противоположные коммунистическим идеалам, например, частную собственность на средства производства и капиталистическую выгоду, а также безработицу и большое неравенство доходов.

ценообразования по сути является децентрализованной, что, несмотря на бюджетные ограничения (не совсем жёсткие) в отношении государственных предприятий, гарантирует поддержку динамического равновесия денежного рынка.

В то же время китаизм помог устранить синдром дефицита и эффективно сдерживать инфляцию цен. Это такой подвиг, которого не смогла осуществить ни одна экономика бывшего государственного социализма, ни Советский Союз, ни одна из стран ЦВЕ, что было основной причиной их экономической и, как следствие, политической гибели (Kolodko, Rutkowski, 1991; Csaba, 1996).

Такая гибридная экономическая система сотрудничает с авторитарным однопартийным государством с централизованной властью, по сути, основанной на меритократии. Реализуемая государством политика является компетентной и ответственной. В то же время она ориентирована на выполнение долгосрочных стратегических целей, которым подчинены среднесрочные и непосредственные цели¹⁰. Властные структуры используют традиционные и современные методы социального влияния, например, они прибегают к контролю соблюдения обществом поведения, которое способствует общему направлению развития, установленного партией и законодательной и исполнительной властью. В процессе осуществления социального влияния используются такие разнообразные меры, как, с одной стороны, ссылки на конфуцианскую философию и квазирелигию, а с другой – современное электронное наблюдение. Оцифровка социальных коммуникаций всё чаще используется для контроля общественного диалога, включая влияние на контент социальных сетей.

Китаизм не означает отход от рыночных реформ и возвращение к всемогуществу государственного сектора в экономике (Lardy, 2019); такой вывод был бы упрощённым образом чрезвычайно сложной реальности. Государство играет важную роль – больше всего как регулятор, а также как владелец части средств производства, – но оно не вытесняет и не заменяет рынок, а скорее корректирует и поддерживает его и создаёт синергию с его силами (Huang, 2017). Не следует переоценивать единичные события и обобщать поспешно отдельные наблюдения, но назначение в 2008 году на престижную должность главного экономиста и старшего вице-президента по вопросам экономики развития Всемирного банка выдающегося китайского экономиста Джастина Ифа Лин является значимым. Это был не пустой жест в адрес Китая в знак признания достижений этой страны со стороны тех, кто действительно принимал это решение, то есть власти США при консультации с Японией, Великобританией, Германией и Франци-

¹⁰ Снятие ограничения двумя сроками президентского правления в Китае, которое так обеспокоило Запад, говорит, скорее всего, о том, что Си Цзиньпин продолжит занимать эту должность и, видимо, также пост председателя партии, когда закончится его второй срок в 2022 году. Этот акт можно трактовать как чёткое сообщение о том, что политическая линия, связанная с ним, будет твёрдо проводиться в долгосрочной перспективе. Запад трактует это как усиление авторитаризма и дальнейших ограничений в том, что уже и так есть суррогатной демократией. Когда премьер-министру Великобритании Тони Блэру или канцлеру Германии Ангеле Меркель продолжают период правления более двух сроков, это демократия, а когда продолжается период правления лидера Китая Си Цзиньпина, это нападение на демократию (даже если там её вообще нет).

ей. Это было знаком, особенно для экономически отсталых стран, что на основе опыта Китая в политике развития можно сделать ценные выводы, и такую успешную практику следует использовать и в других странах. За время полномочий Лина (2008–2012) революционных изменений не произошло ни в технократическом способе мышления Вашингтона, ни в деятельности Всемирного банка, но, несомненно, его пребывание на этом посту способствовало дальнейшему отходу этой организации от неолиберальной ортодоксальности.

Относительная привлекательность китаизма

За пределами Срединной страны привлекательность китаизма ограничена. Конечно, он не будет перенесён в страны либерального капитализма, но в свою очередь он может быть – и уже есть – вдохновляющим предложением или по крайней мере вариантом, который стоит рассмотреть, для многих стран бывшего Третьего мира, особенно в Южной Азии, на Ближнем Востоке и в Африке, и в меньшей степени в Южной и Центральной Америке, а также для некоторых постсоциалистических стран, преимущественно постсоветских республик Центральной Азии. Конечно, между системой и политикой Китая и соответствующими особенностями этих стран существует ряд различий, так же как есть различия и между странами, входящими в семью стран "свободного рынка и либеральной демократии".

Достаточно сравнить США с государствами Латинской Америки, такими как Мексика или Бразилия, Аргентина или Чили, или Великобританию со странами Восточной Центральной Европы, такими как Чехия или Хорватия, Латвия или Словения. Эти страны и подобные, и совсем другие. В этом смысле в страны, имеющие определённое сходство с характеристиками китаизма – со всеми индивидуальными оговорками – принадлежат Камбоджа, Лаос, Мьянма, Сингапур и Вьетнам в Юго-Восточной Азии, Азербайджан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан в Центральной Азии, Беларусь в Восточной Европе, Оман, Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ) на Ближнем Востоке, Алжир, Гвинея, Намибия, Судан и Танзания в Африке, а также Куба и Никарагуа в Латинской Америке.

Это, казалось бы, очень разнообразная группа стран, но когда глубже заглянуть в их системные особенности, можно увидеть много сходного с важными чертами экономики Китая; в экономических системах этих стран есть несколько признаков китаизма. Особое внимание следует уделить большой доле государственной собственности, включая монополию в стратегических отраслях (в этом случае "стратегичность" означает гораздо больше, чем в западных рыночных экономиках), центральное планирование, контроль режима валютного курса и отчётность центрального банка перед правительством. Существует также определённое сходство в методах экономической политики, особенно государственное вмешательство как средство промышленной и торговой политики, протекционизм по отношению к жизненно важным секторам, государственные субсидии для экспортноориентированных компаний и влияние правительства на основные прямые входящие и выходящие иностранные инвестиции. Что касается стран с высоким уровнем технологического прогресса, таких как Сингапур, Беларусь или ОАЭ, то в них для повышения международной

конкурентоспособности отечественных компаний часто применяется протекционизм и государственная финансовая поддержка.

Страны либеральной демократии, соприкасаясь с её кризисом, должны искать пути защиты от волны нового национализма (*Economist*, 2016) и от генерирующего кризис потенциала неолиберализма (*Galbraith*, 2018), но они, безусловно, не будут следовать китайской модели. Следование этой модели возможно, хотя и в очень разной степени, путём эмансипации экономик и обществ, то есть в тех странах, которые неолиберализм вытеснил к категории так называемых развивающихся рынков. Сущность вопроса в том, что здесь одновременно совпадают два крупных процесса: с одной стороны, огромный экономический успех китаизма, и, с другой – структурный кризис либерального капитализма.

К странам, которые ищут "маяк" в этом хаотическом океане мировой экономики, может быстрее прийти свет из Пекина, чем из Вашингтона, им более понятно то, к чему призывают из дельты Жемчужной реки (Pearl River Delta) и Гуанчжоу, чем Нью-Йорке и Манхэттена. А эти призывы ещё и поддерживаются активной внешней политикой Китая. В Пекине больше дипломатических должностей, разбросанных по всему миру, чем в США. Его политическое влияние нельзя недооценивать, но в то же время не следует бояться, что он превзойдет Запад, включая англо-американское влияние, когда речь идёт о так называемой "мягкой силе". Хорошо, что во многих странах были основаны более сотни институтов Конфуция, которые пропагандируют Китай и китайские ценности. Это не угроза, наоборот; немного больше из нас поймут официальный китайский язык ("мандарин"), что также будет способствовать расширению международного обмена в сфере образования, науки, культуры и спорта. Следующим кульминационным событием в поединке "мягких сил" станут 24-е зимние Олимпийские игры в Пекине 2022 года, особенно после отмены летних Олимпийских игр 2020 года в Токио.

Эта внешняя экспансия – независимо от её чисто экономических целей, которые в основном касаются задействования большого избыточного потенциала Китая в секторе инфраструктурного строительства, развития рынков сбыта для всё более конкурентоспособных отраслей, а также доступа к месторождениям сырья и материалов – осуществляется в впечатляющих масштабах с помощью инициативы "один пояс, один путь" (The Belt and Road Initiative, BRI) (*Maçães*, 2018), которую часто называют новым Шёлковым путём. Её основная цель – не завоевать другие страны, сделав их экономически зависимыми – хотя это тоже может произойти в случае необдуманной политики в стране-получателе, поэтому следует быть осторожными, – а поддерживать внутреннюю экономическую динамику. Китай, несмотря на огромные размеры страны, не может этого достичь без использования внешних факторов, без дальнейшего использования глобализации для быстрого роста внутреннего производства и потребления. За последние пару десятилетий никто так толком не использовал глобализации для собственного роста, как это делал Китай. Неудивительно, что он желает продолжать это делать. И китайцам это проще, поскольку кажется, что, в отличие от людей с Запада, которые во время своих визитов в Китай рассказывают местным жителям о том, как следует устраивать мир, китайцы, путешествуя, ищут решения, которые могут оказаться для них полезными.

Наверное, Китай за последние десятилетия узнал больше от Запада, чем Запад от Китая, хотя там тоже можно было многому научиться.

BRI – вместе с сопутствующими политическими инструментами и институционализацией системы, о чем свидетельствуют сравнительно легкодоступны займа от государственного Эксимбанка и создание многонационального инвестиционного банка (Азиатского банка инфраструктурных инвестиций – Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB) – гарантирует более широкую перспективу. Это не является угрозой ни для Запада, ни для Западной Европы, учитывая наличие в BRI части, известной как "16 + 1" и "17 + 1"¹¹, поскольку Греция в 2019 году пошла по стопам постсоциалистической экономики стран ЦВЕ¹². Правда, первые семь лет её существования оказались мало результативными, хотя на программу "16 + 1" возлагалась большая надежда.

Но по другим проектам стремительный приток китайской инфраструктуры и производственных инвестиций, торговое сотрудничество, а также обучение персонала и предоставление медицинских услуг могут принести дополнительное развитие. Давайте рассмотрим более широкую картину: чем быстрее этот рост даст свои плоды, тем больше будут выгоды, полученные непосредственно в странах, в которые направлены инвестиции и экономическая помощь. И тем меньше будет давление, которое вызывает миграцию из бедных стран Азии и Африки в Европу, следовательно, меньше будет и приток беженцев и экономических мигрантов, с волнами которых европейцы уже трудно справляются.

Битва за завтра, или императив инклюзивной глобализации

По иронии судьбы, но именно обусловленная коронавирусом невозможность поддерживать живые очные контакты выдвигает на первый план сильное и неудержимое желание человека путешествовать и поглощать другие культуры, а также совместно работать в области образования и научных исследований, обменов людьми и спорта. Мы хотим быть вместе, а не отдельно друг от друга. Эти факторы, не меньше, чем такие классические связи, как цепочки производства, снабжения и сбыта, а также глобальной торговли, делают необратимой глобализацию, которую понимают следующей за либерализацией интеграции рынков капитала и товаров. Тем более удивительно, что глобализацию поставили под сомнение в наименее ожидаемом направлении. Ведущий либеральный еженедельник "The Economist" выходит из кричащим названием: "До свидания, глобализация", и советует своим читателям: "Помашите на прощание самой большой эре глобализации – и беспокойтесь о том, что станет на её место" (*Economist*, 2020b). Можно

¹¹ Китай "положил в одну корзину" 17 стран по очевидным географическим – а, точнее, геоэкономическим и геополитическим причинам, – но также учитывая разницу в масштабе. Достаточно было бы осознать, что общая сумма ВВП этих 17 стран ЦВЕ составляет всего лишь около 14% ВВП Китая (примерно 16% за ПКП).

¹² К 16 странам ЦВЕ, приглашённых Пекином в 2012 году в BRI, входят: Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Черногория, Северная Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия и Словения. В данную группу не входят Беларусь, Молдова и Украина. Здесь также нет Косово, независимость которого на сегодня Китай не признал, и которого также нет на китайских картах, поскольку они всё ещё показывают Косово как часть Сербии.

предположить, что такой диагноз обусловлен не только разрушительными последствиями пандемии для либерализации и интеграции мировой экономики, но и тем, что журнал понимает, что существующая "экстрактивная" форма глобализации уже не имеет шансов, хотя и сомневается в успехе ее "инклюзивной" версии.

Это правда, что пандемия – с ее психологическими и политическими побочными эффектами, такими как растущая ксенофобия и взаимная неприязнь – выдвигает на передний план симптомы протекционизма и наивного меркантилизма, признаки которых можно было заметить и раньше. Вызванный неолиберализмом финансово-экономический кризис 2008 года привёл к волне нового национализма. Для неолиберализма, который имел целью помочь немногим разбогатеть за счёт большинства, общественным врагом было правительство как регулятор и политика перераспределения доходов, тогда как для популизма и нового национализма роль врага отводится глобализации. Такое столкновение одновременно ослабляет способность – и без того слабую – сосредоточить политический процесс на многонациональном уровне и способствует сползанию политических, социальных и экономических отношений в анархию.

К кризису неправильной экономической либерализации – её ненадлежащей дерегуляции с точки зрения социальной сплочённости и экономического равновесия – добавляется ещё и кризис либеральной демократии (*Krastev, Holmes, 2019*). Некоторые считают, что либерализм уже сейчас потерпел крах (*Deneen, 2018*). Этот кризис приобретает разные, порой удивительные формы – один в США после выборов президента Дональда Трампа, второй в Польше, которой руководит партия "Право и справедливость"; ещё один в Австралии с националистическим правительством премьер-министра Скотта Моррисона и ещё один в Бразилии с популистским правым президентом Жаиром Болсонаро. В каждом случае это вредит наднациональной социальной сплочённости и затрудняет поиск разумного курса глобализации.

Такой курс должен базироваться на неортодоксальной экономической мысли, особенно важные здесь новая структурная экономическая концепция (*Lin, 2012*), экономическая концепция общего блага (*Tirole, 2017*) и новый прагматизм – своеобразный "интерфейс" между описательной и "консультирующей" экономической наукой, что указывает пути интегрирования экономического, социального и экологического развития в "экономику умеренности" (*economy of moderation*) (*Kolodko, 2014; 2020c*). Убеждение в том, что создать хорошую экономику, хотя и трудно, но можно, выражают экономисты различных современных теоретических школ (*Galbraith, 2014; Phelps, 2013; Rodrik, 2015; Stiglitz, 2019*).

И Китай – крупнейший выгодополучатель глобализации – это хорошо понимает, и именно поэтому (хотя прежде всего потому, что с глобализацией связаны коренные интересы Китая) он её большой защитник. Китайцы постоянно повторяют формулу "win-win" (выигрывают все), подчёркивая, что глобализация должна быть выгодной для всех вовлечённых сторон. И это правда, хотя некоторые насмеются, что за этой формулой скрывается желание победить со счётом 2:0 ... Чтобы спасти глобализацию, сделать её действительно необратимой, она должна стать действительно всеобъемлющей ("инклюзивной"). Позволить ей продолжать идти по пути своего неолиберального раз-

нообразия, которому отдают предпочтение "группы интересов" и эгоистические экономические и политические лобби, совпадает с неблагоприятными мегатрендами в изменениях природной среды, глобальным потеплением, неконтролируемыми крупными миграциями и пандемией Covid-19, что и привело к тому, что я называю "Ещё Большой Кризис" (Колодко, 2011; 2020b) - это неприемлемый вариант.

Не только всеобъемлющая глобализация, но и никакая глобализация не может быть продолжена без необходимой степени гармонии между двумя крупнейшими экономиками мира – Китаем и США (Kissinger, 2011). Когда уже казалось, что в этом отношении мы шли правильным путём – особенно благодаря усилиям президента Барака Обамы и президента Си Цзиньпина, что дало ряд двусторонних и многосторонних соглашений глобального значения, о чём свидетельствует фундаментальное Парижское соглашение 2015 года о смягчении последствий изменения климата – пришёл президент Дональд Трамп, заклятый враг глобализации, который не понимает её сути. Надежда на развитие "ради блага мирового сообщества" (*pro publico mundiale bono*) и дружественного соперничества в рамках так называемой G-2 – или "Химерики" (Chimerica) – была заменена Холодной войной 2.0. В разгар пандемического психоза как в Вашингтоне, так и в Пекине говорят о возможной горячей войне, которая может быть спровоцирована тайваньским кризисом. Когда американские ястребы заявляют, что Китай готовится присоединить остров к родине силой, что нужно предотвратить с помощью военных мер, даже если это означает начало войны, китайские аналитики из военного аналитического центра предполагают, что именно американцы и подстрекают радикалов в Тайбэе к провозглашению независимости (*Economist*, 2020a). Причина, по которой это опасно, заключается в том, что в дополнение к крайней синофобии Дональда Трампа, эта самая фобия также присутствует и у его демократических оппонентов. Следовательно, восстановить лучшие прагматичные отношения можно будет только через некоторое время ...

Интересную перспективу, которая систематизирует анализ и обеспечивает методологию для облегчения обсуждения внешних отношений Китая, предлагает Керри Браун. В своём воодушевляющем исследовании "Чего хочет Китай? Китайского мира" он делит глобальное окружение Китая на четыре зоны. Первый – это США, второй – остальная Азия (включая Россию), третий – Европейский Союз и четвёртый – другие страны мира (Brown, 2017). Китайско-американские отношения имеют первостепенное значение для функционирования мировой экономики и политики – с глобализацией или без неё. Другой фактор, имеющий стратегическое значение, – это поведение Европейского Союза, его президент Трамп хотел бы перетянуть на свою сторону в противостоянии США и Китая. Пока ему это не удаётся, и следует надеяться, что направить ЕС и Китай друг против друга не удастся никому, поскольку это повредит как им, так и всей мировой экономике.

Тяжёлые времена требуют благоразумия и спокойствия, а не необдуманности и перевозбуждения. Некоторые западные политики, не поняв объективного императива прагматического сосуществования с Китаем, радикально отвернулись от него. Это можно почувствовать гораздо сильнее в США, чем в ЕС. И теперь, чувствуя собственное бессилие, они теряют здравый смысл. Хотя в политике нельзя полно-

стью избежать сумасшедших и дураков, которых нужно сдерживать и устранять из общественной жизни, некоторые высказывания политиков высшего эшелона и влиятельных правительственных советников вызывают большую тревогу. Это люди, от которых мы ожидаем опыта и ответственности, а если они руководствуются цинизмом, столь распространённым в политике, это надо разоблачать и с этим надо спорить. Если они из-за своей импотенции теряют разум, всё начинает выходить из-под контроля.

Когда эксперт по росту Питер Наварро, экономический советник, к которому прислушивается президент Трамп, говорит, что Китай "нанёс колоссальный ущерб (...) Мы должны потратить на эту борьбу до 10 трлн долларов (...) Следует разработать специальный законопроект по Китаю (...) этот вопрос привлечения к ответственности Китая, Коммунистической партии Китая", то это уже опасно. Это может быть *Жёлтая угроза 2.0*? Возможно, Китай мог бы более законно требовать от Запада, особенно от британцев, компенсации за гигантские убытки, сознательно вызванные намеренно проведёнными Опиумными войнами в середине XIX века, когда полуколонизованное китайское население пережило запланированное истощение, поскольку было вынуждено покупать яд, выращиваемой бедными крестьянами в полностью колонизованной Индии? Давайте просто подождём, когда кто-то выдвинет такое требование ... Возможно, Центральная и Восточная Европа также будут требовать возмещения убытков, причинённых управляемым Вашингтоном "Консенсусом" во время постсоциалистического переходного периода? И параллельно страны Западной Африки могут требовать компенсации за непоправимый вред, причинённый в прошлом в результате сокрушительного рабства, которое было одной из форм первичного накопления богатства в Северной Америке. Современное состояние американцев также построено на крови и поте миллионов африканских рабов, что одни хотят легко забыть, но другие никогда не должны простить.

Когда технократ такого класса как Маргрета Вестагер – казалось бы, одна из самых компетентных еврокомиссаров – предостерегает от угрозы поглощения европейских компаний, поражённых пандемией Covid-19, это должно заставить вас удивляться и волноваться. Если китайский инвестор стучит в дверь предпринимателей, которые плохо справляются с кризисом, даже с помощью щедрой государственной помощи правительств и Европейской Комиссии, с ним следует вести переговоры и заключать соглашение, а не закрывать перед ним дверь. Даже если китайцы получают полный контроль над некоторыми компаниями и больше, чем сейчас, проникнут в области, которые их интересуют, всё равно это будет приток свежего капитала, которого не хватает в условиях кризиса. Это часто связано с передачей высоких технологий, которых в Китае всё больше и больше и всё с большим доступом к китайскому рынку и на рынки третьих стран. По сути, большинство инвестиций при этом будут направлены на производство для экспорта. Когда датский или немецкий капитал вливается в Словакию или Польшу, это желаемые прямые иностранные инвестиции, а когда китайский капитал вливается в Испанию или Швецию, это "поглощение европейских фирм"?

Достаточно гармонизированный глобальный порядок требует сильной и единой европейской интеграции (*Shambaugh, 2016*), но,

к сожалению, она ослабляется из-за финансового и миграционного кризисов и растущей волны нового национализма и регрессивных тенденций. Ещё больше подрывает ЕС Brexit, уменьшая его экономику примерно на 15%. К сожалению, Европейский Союз становится слабее в то время, когда ему следует набрать силу, чтобы уравновесить растущее влияние Китая. В то же время ЕС является ведущим партнёром в сотрудничестве и стратегическим конкурентом Китая; и это не противоречие, а своеобразная диалектика.

На таком фоне к этому и без того сложного уравнения следует добавить ещё одно осложнение: треугольник, сформированный Китаем, Россией и ЕС, в частности Германией. Последняя хочет сильного и более глубоко интегрированного Европейского Союза. Она также желает хороших, прагматических отношений как с Россией, так и с Китаем. Сейчас правильные российско-германские отношения ищут не Кайзер и его двоюродный брат, царь, а канцлер и президент, которые оба говорят на немецком языке. Для обоих Китай – это огромный рынок сбыта; для Германии – для высокотехнологичных промышленных продуктов, для России – сырья, земля которой, растянутая на одиннадцать часовых поясов, имеет больше подземных месторождений, чем любая другая страна. Геополитические игры между этими тремя участниками имеют большое влияние на геоэкономическую ситуацию.

Китай заботится о развитии сотрудничества с другими странами и регионами, одновременно привлекая их к дальнейшему процессу глобализации. Хотя случилось так, что Соединённые Штаты менее заинтересованы в совместном благополучии, чем в выгодах, которые они могут получить от господства в мировой системе капитализма, иногда Китай, кажется, обращает внимание именно на уровень общего мирового благосостояния. Хотя у Соединённых Штатов более 200 военных объектов за рубежом в 120 странах, у Китая одна – небольшая военно-морская база на Африканском Роге в Джибути – но, наоборот, является крупнейшим торговым партнёром для 130 стран. Сама величина китайской экономики обуславливает необходимость институционализации внешней политики в форме многосторонних контактов. Китай должен достичь договорённостей на двустороннем уровне с такими странами, как Индия или Россия, но не с Танзанией или Аргентиной. Вот почему были созданы многочисленные форумы для общения и обсуждения, а иногда и для участия в совместных проектах. Контакты с Африкой рассматриваются в рамках Форума по вопросам китайско-африканского сотрудничества (Forum on China-Africa Cooperation, FOCAC), членом которого являются все страны континента, кроме Эсватини (Eswatini), единой страны в Африке, которая до сих пор официально признаёт независимость Тайваня. Для содействия сотрудничеству с регионом Южной Америки был создан Форум Китая и Экономическое сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (Foro China-CELAC)¹³. Организациями, имеющими целью укрепление контактов с непосредственными соседями, является Форум сотрудничества Китай-Южная Азия (China-South Asia Cooperation Forum, CSACF) и Форум сотрудничества Китай-Централь-

¹³ Форум не включает страны региона, которые поддерживают дипломатические отношения с Тайванем: Белиз, Гватемала, Гаити, Гондурас, Никарагуа, Парагвай, Сент-Китс и Невис и Сент-Люсия.

ная Азия (China-Central Asia Cooperation Forum, CCACF). Таких учреждений становится больше, поскольку Китай не теряет из виду ни одного мирового региона, включая Океанию, Арктику и Антарктику. Функционирование этих структур, несомненно, приносит многосторонние преимущества и добавляет "китайские характеристики" процессу глобализации.

Для осуществления многочисленных проектов нужны финансы. Если собственных средств недостаточно, развивающиеся экономики прибегают к иностранным займам. Когда-то их использовал и Китай, но в какой-то момент он стал заимодавцем, особенно для стран с развивающейся экономикой, и сейчас он является крупнейшим кредитором в мире. Займы, предоставленные Китаем, в 2000 году почти отсутствовали, а в 2020 году они превышают общую сумму займов, предоставленных Всемирным банком и Международным валютным фондом. Равняясь почти 400 млрд долл. США, они вдвое превышают официальный государственный долг развивающихся стран перед странами Парижского клуба. Эти суммы и их соотношения меняются вследствие вызванного пандемией кризиса, поскольку, с одной стороны, и богатые страны, и Китай списывают часть безвозвратных долгов так называемых бедных стран с высоким долгом (Highly-Indebted Poor Countries¹⁴, HIPC), и с другой – они предоставляют новые займы тем, кто в этом нуждается. Постоянные сдвиги в этой области укрепят позиции Китая, особенно благодаря тому, что безответственная политика Белого дома сдерживает его от финансирования государственного долга США. Часть избытка, который мог бы быть размещен в облигациях богатых Соединённых Штатов, будет инвестирована в ценные бумаги развивающихся экономик. В долгосрочной перспективе это благоприятные структурные изменения, поскольку они будут способствовать развитию отстающих стран, и, возможно, частично будут побуждать США прекратить жизнь за пределами своих возможностей, финансируемую за счёт постоянных заимствований.

Кое-кто считает, что в ближайшие десятилетия главное – и не только экономическое – столкновение произойдёт в области искусственного интеллекта, ИИ (Lee, 2018). За последние годы Китай достиг огромных успехов в этой области, используя научно-технические прорывы в электронной инженерии и оцифровке, а также свою уникальную позицию относительно наличия большого массива BigData. Чем больше активного населения, тем больший объём данных помогает создавать программы ИИ. В этом отношении составить конкуренцию Китаю может только Индия. В общем, в этой сфере Китаю ещё нужно многому научиться, и он должен создать более открытую инновационную систему (Medvedev, Piatkowski, Yusuf, 2020).

¹⁴ Всемирный банк классифицирует как HIPC 39 стран, из них 33 в Африке к югу от Сахары: Бенин, Буркина-Фасо, Бурунди, Чад, Демократическая Республика Конго, Эритрея, Эфиопия, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Камерун, Коморские острова, Конго, Кот-д'Ивуар, Либерия, Мадагаскар, Малави, Мали, Мавритания, Мозамбик, Нигер, Сенегал, Сьерра-Леоне, Руанда, Центрально-африканская Республика, Сомали, Судан, Танзания, Того, Уганда, Сан-Томе и Принсипи и Замбия; одна в Азии (Афганистане) и пять в Южной и Центральной Америке и Карибском бассейне – Боливия, Гайана, Гаити, Гондурас и Никарагуа (World Bank, 2020).

Учитывая все факторы – включая качество аппаратного и программного обеспечения, и особенно высококвалифицированных специалистов – участниками главного конкурентного столкновения снова станут США и Китай. Экономическая напряжённость станет политизированной, и это уже можно почувствовать. Не вызывает сомнений, что одна из причин торговой войны и новой холодной войны, начатой американцами, – именно этот страх потерять лидерство в области ИИ. Здесь мы сталкиваемся с двумя вариантами: соперничество с нарушением равновесия и динамика вместе с сотрудничеством и поиском синергии. Похоже, что в последнем путём пока не желает пойти ни одна из сторон.

Поскольку глобализацию уже невозможно остановить – что связано с развитием и экспансией Китая – будут продолжаться непрерывные дискуссии о том, что является хорошим и плохим миру. Да, есть хорошие и плохие экономики (Седлачек, 2011), есть системы, которые являются более и менее эффективными с точки зрения достижения своих целей, и есть прогрессивные и отсталые идеологии и политические системы, которые им следуют. Тем важнее как можно больше учиться друг у друга и творчески опираться на опыт других. Полезны также антипримеры – чтобы только знать, чего нельзя делать. Китай многому научился у других, демонстрируя при этом уникальную способность подходить к своим проблемам с прагматической, а не с идеологической точки зрения (так, как это делалось раньше). Однако Китаю нужно здесь ещё многому научиться. Следует надеяться, что он будет этого желать и сможет это сделать.

Один из самых интересных сравнительных анализов истории предложил британский историк Ян Моррис. Он разработал оригинальный Индекс социального развития, учитывающий, в частности, энергообеспечение, способность этой социальной культуры к организации, которая измеряется размерами её крупнейших городских районов, военный потенциал и развитие информационных технологий, который определяется скоростью и степенью распространения письменного слова и телекоммуникаций (Morris, 2010). Используя эти метрики, он приходит к выводу, что Запад будет продолжать доминировать только в течение нескольких следующих поколений, после чего в первом десятилетии XXII века в мире будет царить Восток, важнейшая часть которого, конечно, Срединная страна – Китай. Ну, время покажет ...

Давно, очень давно – в средиземноморском мире, который ничего не знал о китайской цивилизации, хотя уже тогда оттуда привозили гладкий шелк (Uhlig, 1986) – все дороги вели в Рим (omnes viae Romam ducunt). Так, может, сейчас настало время, когда все дороги ведут в Бейджин?

References

1. Brown, K. (2019). *What Does China Want? China's World*. London-New York: I.B. Tauris.
2. Brzezinski, Z. (2007). *Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower*. New York.
3. Csaba, L. (1996). The Political Economy of the Reform Strategy: China and Eastern Europe Compared. *Communist Economies and Economic Transformations*, 8(1), 53-65. <https://doi.org/10.1080/14631379608427844>
4. Deneen, P. J. (2018). *Why Liberalism Failed*. Yale University Press, New Haven and London. <https://doi.org/10.12987/yale/9780300223446.001.0001>

5. Trump's world. The new nationalism (2016, Nov. 19). *The Economist*. Retrieved 15.05.2020 from <https://www.economist.com/leaders/2016/11/19/the-new-nationalism>
6. There is less trust between Washington and Beijing than at any point since 1979 (2020, May 9). *The Economist*. Retrieved 10.05.2020 from <https://www.economist.com/united-states/2020/05/09/there-is-less-trust-between-washington-and-beijing-than-at-any-point-since-1979>
7. Has covid-19 killed globalisation? (2020, May 16). *The Economist*. Retrieved 15.05.2020 from <https://www.economist.com/leaders/2020/05/14/has-covid-19-killed-globalisation>
8. The World's Most Valuable Brand (2020). *Forbes*. Retrieved 10.05.2020 from <https://www.forbes.com/powerful-brands/list/#tab:rank>
9. Fukuyama, F. (2020, May 18). What Kind of Regime Does China Have? *The American Interest*. Retrieved 26.05.2020 from <https://www.the-american-interest.com/2020/05/18/what-kind-of-regime-does-china-have/>
10. Galbraith, J. K. (2014). *The End of Normal: The Great Crisis and the Future of Growth*. New York: Simon and Schuster.
11. Galbraith, J. K. (2018). *Backwater Economics and New Pragmatism: Institutions and Evolution in the Search for a Sustainable Economics*. TIGER Working Papers Series, 138. Kozminski University, Warsaw. Retrieved 12.05.2020 from <http://www.tiger.edu.pl/TWP%20No.%20138%20--%20Galbraith.pdf>
12. Halper, S. (2010). *The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century*. New York: Basic Books.
13. Huang, Y. (2017). *Cracking the China Conundrum: Why Conventional Economic Wisdom Is Wrong*. New York: Oxford University Press.
<https://doi.org/10.1093/oso/9780190630034.001.0001>
14. Kissinger, H. (2011). *On China*. New York: Penguin Press.
15. Kolodko, G. W. (2000). *From Shock to Therapy: The Political Economy of Postsocialist Transformation*. Oxford - New York: Oxford University Press.
<https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198297437.001.0001>
16. Kolodko, G. W. (2011). *Truth, Errors and Lies: Politics and Economics in a Volatile World*. New York: Columbia University Press.
<https://doi.org/10.7312/kolo15068>
17. Kolodko, G. W. (2014). *Whither the World: The Political Economy of the Future*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan.
<https://doi.org/10.1057/9781137465740>
18. Kolodko, G. W. (2018). Socialism, Capitalism, or Chinism? *Communist and Post-Communist Studies*, 51(4), 285-298. Retrieved 10.05.2020 from http://tiger.edu.pl/CPCS_2018.pdf/;
<https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.002>
19. Kolodko, G. W. (2020a). *China and the Future of Globalization: The Political Economy of China's Rise*. Imprint: I.B. Tauris, London - New York - Oxford - New Delhi - Sydney. <https://doi.org/10.5040/9781788315487>
20. Kolodko, G. W. (2020b). After the Calamity: Economics and Politics of the Post-Pandemic World. *Polish Sociological Review*, 2(210).
21. Kolodko, G. W. (2020c). *From Economic Theory to Political Practice: The Quest for a Recipe for Development Success*. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne (forthcoming).
22. Kolodko, G. W., Rutkowski M. (1991). The Problem of Transition from a Socialist to a Free Market Economy: The Case of Poland. *The Journal of Social, Political and Economic Studies*, 16(2), 159-179.
23. Krastev, I., Holmes, S. (2019). *The Light That Failed: Why the West Is Losing the Fight for Democracy*. New York - London: Pegasus Books.
24. Lankov, A. (2013). *The Real North Korea: Life and Politics in the Failed Stalinist Utopia*. New York: Oxford University Press.
25. Lardy, N. R. (2014). *Markets Over Mao: The Rise of Private Business in China*, Peterson Institute of International Economics, Washington, DC.
26. Lardy, N. R. (2019). *The State Strikes Back: The End of Economic Reform in China?* Peterson Institute of International Economics, Washington, DC.
27. Lee, Kai-Fu (2018). *AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order*. Boston.
28. Lin, J. Y. (2012). *New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy*. The World Bank. Washington DC.

- <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-8955-3>
29. Lin, J. Y. (2013). *Against the Consensus. Reflections on the Great Recession.* Cambridge University Press, New York.
<https://doi.org/10.1017/CBO9781139855709>
30. Maçães, B. (2018). *Belt and Road: A Chinese World Order.* Hurts, London.
31. Medvedev, D., Piatkowski, M., Shahid, Y. (2020). *Promoting Innovation in China: Lessons from International Good Practice.* The World Bank Group, Washington, DC. Retrieved 12.05.2020 from
<http://documents.worldbank.org/curated/en/571611587708038991/pdf/Promoting-Innovation-in-China-Lessons-from-International-Good-Practice.pdf>
32. Milanović, B. (2019). *Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World.* The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts-London, England. <https://doi.org/10.4159/9780674242852>
33. Morris, I. (2010). *Why the West Rules - for Now: The Patterns of History and What They Reveal about the Future.* Profile Books, London.
34. Nuti, D. M. (2018). *The Rise and Fall of Socialism.* DOC Research Institute, Berlin. Retrieved 09.05.2020 from https://doc-research.org/2018/05/rise_and_fall_of_socialism/
35. Pei, M. (2016). *China's Crony Capitalism: The Dynamics of Regime Decay.* Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts - London.
<https://doi.org/10.4159/9780674974340>
36. Phelps, Edmund S. (2013). *Mass Flourishing: How Grassroots Innovation Created Jobs, Challenge, and Change.* Princeton University Press, New York.
<https://doi.org/10.2307/j.ctt32bbrz>
37. QS (2020). *World University Ranking: Who Rules? QS Top Universities.* Retrieved 14.05.2020 from <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020>
38. Rodrik, D. (2015). *Economics Rules: Why Economics Works, When It Fails, and How To Tell The Difference.* Oxford University Press, Oxford.
39. Sedlacek, T. (2011). *Economics of Good and Evil: The Quest For Economic Meaning From Gilgamesh To Wall Street.* Oxford University Press, Oxford - New York.
40. Shambaugh, D. (2016). *China's Future.* Polity Press, Cambridge, UK-Malden, MD.
41. Stiglitz, J. E. (2019). *People, Power, and Profits: Progressive Capitalism for an Age of Discontent.* W.W. Norton, New York - London.
42. Tirole, J. (2017). *Economics of the Common Good.* Princeton University Press, Princeton, New Jersey. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc77hng>
43. Uhlig, H. (1986). *Die Seidenstrasse. Antike Weltkultur zwischen China und Rom.* Lübbe, Bergisch Gladbach.
44. UN (2019). *World Population Prospects 2019.* United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Populations Dynamic, New York. Retrieved 08.05.2020 from <https://population.un.org/wpp/Download/Probabilistic/Population/>
45. UNDP (2019). *Human Development Report: Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century.* New York/ Retrieved 09.05.2020 from
<http://www.hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf/>
46. Walicki, A. (1995). *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom: The Rise and Fall of the Communist Utopia.* Stanford University Press, Stanford.
47. WEF (2019). *The Global Competitiveness Report 2019.* World Economic Forum, Geneva. Retrieved 10.05.2020 from
http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf
48. World Bank (2020). *Heavily indebted poor countries (HIPIC).* Washington DC. Retrieved 12.05.2020 from <https://data.worldbank.org/region/heavily-indebted-poor-countries-hipc>

Received June 1, 2020